

Ю.А. Толкачёв

ПИЛИГРИМ – ПУТНИК – СТРАННИК – ПАЛОМНИК: ПЛЕЯДА АРХЕТИПИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ, ФОРМИРУЮЩИХ ЖИЗНЕННЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННИКОВ

Толкачёв
Юрий Аркадьевич
кандидат философских
наук, доцент УРГЭУ

В систему ценностных ориентиров перво-бытной культуры как способа жизнедеятельности человека входят мифологизм, анимизм, тотемизм, фетишизм, магизм. Вышеозначенные элементы влияют на изменения памяти и языка на качественном уровне. Память можно назвать фотографической, то есть подразумевающей жёстко определенную композицию. Язык предполагал логику образования понятий не по принципу общего происхождения, а по схожести свойств явлений и по сочетанию слова и жеста в описании предмета. Лексикон определялся прагматичностью, то есть состоял из слов, отражавших вещи, полезные определённому сообществу людей.

Предыстория вопроса позволяет вспомнить принципы магии, то есть способности человека взаимодействовать, «расторваться» и выделяться в окружающей его среде. К ним следует отнести симпатическую, имитативную и магию слова. Симпатическая магия подразумевает единство части и целого по свойствам. Имитативная же «гласит», что подобное порождает подобное.

Магия слова определяет то обстоятельство, что поименование означает порождение,

появление того или иного новообразования. Слово – знак, который попадая в определяющий его контекст индивидуального бытия, обретает смысл. Смысл придает архетипическому символу значение установки индивидуальной жизнедеятельности. Мне представляется полезным исследовать в данных координатах каскад символов: пилигрим – путник – странник – паломник. Индивидуальный отбор личностью из ряда казалось бы абсолютно тождественных друг другу понятий строго определенного, влияет на формирование качественной стороны поведения человека. «Пилигрим» характеризуясь свойством сакральности, то есть благоговейного, трепетного, священного, культового отношения к чему-либо, не привязан однозначно именно к религиозному. Свойство сакральности пилигрима может означать и нечто иное, хотя также ритуальное, обрядовое, санкционированное личностным и общественным смыслом. Сакральным может быть и культовое отношение к общечеловеческим, родовым ценностям жизни на уровне общего, а не только особенного. Общее, особенное, единичное представляет нечто единое, в то же время они структурированы в жизнедеятельности индивида.

Отношение человека к миру отталкивается от познавательной деятельности. Через самообразование, усвоение опыта предшествующих поколений формируется ценностно-нормативный сегмент личности. Нормы и ценности общества проходят испытание индивидуальным отбором и трансформируются в эмоционально-волевой вектор. Цель (то есть желаемое состояние) становится «вторым я» человека, его «идеей фикс». Желаемое осуществляется в практическом измерении, то есть ежеминутной программе корректирующих действий, управляющих и контролирующих жизнедеятельность.

Дилемма образов жизни и смерти порождает образ дороги, соединяющий их. Связь, соположенность и взаимодействие выступают содержанием образа. Биоритмы жизни трансформируются в линии смерти. Краткосрочность жизни подчёркивается вечностью смерти. Жизнь и смерть, взаимодействуя во сне и бодрствовании человека, в хаосе и порядке бытия, «пользуются» друг другом, выстраиваясь в единую систему активности. Формы этой активности определяются плеядой видов общественного сознания: этического, эстетического, экономического, религиозного, философского, научного, политического, правового, экологического.

Выстраивая цепь архетипических символов человека дороги, в качестве системообразующего начала, я беру активность субъекта в поведении и деятельности. Считаю, что следует отвлечься от таких образов, производных от исследуемого явления, как например, следопыт, первопроходец, путешественник, гонец. Безусловно, все они взаимосвязаны. Представляя собой обширный ряд «уровня следствия» – они могут быть предметом изучения уже в дальнейшем. Архетипические символы, упомянутые в заголовке статьи, присутствуя в культурах всех народов – выступают на уровне сущности взаимосвязи общественного и индивидуального сознания.

Пилигрим на древнегерманском означал чужеземца. На латинском же именовал человека иноземного, чужого, дорожного. Пилигримом, например, может быть назван предпринявший с торговыми целями путешествие в Индию, Афанасий Никитин. Автор «Хождений за три моря» не был лишь торговцем, преследовавшим частные интересы. Есть основания считать, что выполнял он миссию государственного значения. Речь идет о торгово-экономической разведке перспектив установления отношений обмена стратегической продукцией между Индией и Москвией. Будучи первым, или, точнее, одним из первых россиян в Индии, А. Никитин должен был оценить важность для России специфических индийских товаров. Осознание важности им своей миссии подтверждается не только проявленным упорством возвращении. А. Никитин умер по пути домой в Тверь, «Смоленска не дошел». Хотя формально, его родное княжество

было включено Иваном III только через пятнадцатилетие после его предполагаемой смерти, но фактически земли тверские уже полностью контролировались великим князем Московским. Нет сомнений, что сознание А. Никитина было вполне «великороссийским». Записи делались им на «смеси» арабских букв с собственными криптографическими обозначениями. Допустимо считать, прежде всего, в связи с изменениями его телесного облика как следствия посещения мусульманской части Индии, что А. Никитин был вынужден принять не только арабское имя, но и ислам. Суть не в оценке глубины изменений, а в том, что для выполнения своей миссии, реализуя жизненно важные, государственного масштаба цели, А. Никитин проявлял крайнюю изворотливость в использовании средств. Пилигрим – понятие, отражающее гармонию сочетания внутреннего и внешнего в личности. Осознающий социальную ценность выбранного им направления жизни, идущий представляет себе контуры влекущей его цели. Принимающий вызов общества, социально ответственный индивид самореализуется в миссии добровольной готовности быть звеном в плеяде себе подобных. Добровольное, возвышенное, героическое являются украшениями нимба образа пилигрима. Он свободен, ибо преодолевает препятствия одержимо и неистово. Пилигрим собою указывает дорогу Всем.

«Путник» – образ, указывающий на бессознательно-интуитивные доминанты активности перемещающегося в пространстве и времени индивида. «Запрограммированный» социальным принципом «Жизнь – это движение» путающий самопознание с «самоедством», а саморефлексию с «самокопанием», путник двигается по пути, освященному и освещенному пилигримом. Его установка (готовность к действию) выступает стремлением движения по дороге жизни. Дорога здесь – не целина, а нечто иное – а именно тропа, колея. Коллективное бессознательное – копилка памяти поколений, заставляет его вглядываться в следы ранее прошедших, проявляется в архетеипе дороги. Архетип превращается в архетипический символ, так как дорога «без края и конца» может парализовать волю человека, предполагающего свою конечность, но надеющегося на бессмер-

тие. «Путник» означает состояние человека готового мерить собою пройденное, превращая его в индивидуально понятное, личное достояние.

Размышления путника можно выразить следующими авторскими строфами:

Дорожное

Нагота тротуара, сгустившийся мрак...

Это может быть утра или вечера знак.

Зимний холод весною так привычен и скучен,

Словно ругань врагов, или звуки шагов...

В тусклом свете витрин и в мерцанье машин,

Только спины людей, только тени идей,

Преходящих в обман бегло прожитых дней...

Что же гложет тебя,

Кто смущает твой ум?

Может песни обряд?

Или страсти наряд?

Может прошлого взгляд?

... Смутных образов ряд...

Совмещение формоизменения, целеполагания и социальности как родовых характеристик культуры с интимным переживанием дороги, воспринимаемой серпантином шагов его жизни, и порождает символический образ путника. Воспринимается этот образ синкретично, нераздельно от собственного «Я».

Символ здесь предстает защитной формой архетипа дороги. В первую очередь «блестает» свойство определенности, затмевая все остальные значения. В контексте, где человек – функция социума, «дорога» заявляет о себе внешней стороной цивилизации, так называемой инфраструктурой. Дороги – это артерии цивилизованного, управляемого, консолидированного общества. Путник – социальный образ, одобренный обществом в логической цепи: туризм – гостиница – ресторан (таверна). Не случайно турами в иных культурах называют вешки, знаки, отмечающие путь. В этом смысле человек, идущий по дороге – далеко не бунтарь. Его поведение санкционировано обществом, так как он выполняет правила социума. Бунтарем он может быть лишь тогда, когда идея дороги, то есть скрытой,

внутренней стороны символа начинает превращаться в средство антисоциальности, противопоставления себя обществу. Возникает протест против декларируемых в качестве социальных аксиом – целей. Неподчинение оправдывается принципом: «Движение всё – результат ничто». Благосостояние, семья, культивирование пространства оседлости, колонизация дикости как цель и результаты движения подвергаются сомнению и отрицанию.

Вариантом логического развития освоения смыслов движения может быть символический образ «странника».

«Свое иное» предшествующего ряда символов проявляется в «страннике». Хотелось бы обратить внимание на известную схожесть русского слова странник со словами в разных, не столь далёких по происхождению языках. Странник – производное от древнерусских слов сторона, сторонний, сторонник. Слово выражало значение особинки, отдаленности, непохожести. На английском языке странный человек звучит как «stranger». Дословно означает – незнакомец. А в значении «outsider» – как посторонний, человек с другой стороны. Странствующий странный человек зачастую представляется иным людям – мотивированным собственными целями, не всегда одобренными обществом. Сам по себе бредущий и самостоятельно осваивающий дорогу жизни странник («беспечный ездок») снедает противоречиями. Уточним: противоречиями осмысления, отрицания абсолютного тождества индивидуального и социального. Ищущий свой путь, свою колею, странник готов «пробить головой стену». Значение образа стены или возвышения над обычным уровнем – двояко в мировой культуре. Ограждающая индивида, защищающая территорию и духовную в том числе, «стена» является метафорическим понятием невозможности выхода вовне. Следовательно пробивая стену бытия странник реализует своё активное духовное начало. Представляется, что в единстве социальных тенденций: функционирования (то есть поддержания и сохранения устоявшегося) и развития (то есть изменения существующего), странник символизирует,

прежде всего, установку отрицания. Странник, безусловно, социален. Ведь преодолевая пространство и время, он использует механизмы социума. Одновременно он отрицает «толпу», подвергая сущее критическому, альтернативному шаблонам, рассмотрению. Если пилигрим в известной степени чувствуют себя мессией, то странник больше нон-конформистом. Своей жизнью, точнее определенным этапом жизни, потому, что «странник» – это все-таки состояние, он отрицает клише, что «все дороги ведут в Рим».

Носитель привлекательного образа, искренне верующего в себя, странник может превратиться в матрицу своих подражателей. Иными словами – породить модную субкультуру. Не случайно побережье Гоа является одним из немногих мест, некогда облюбованных хиппи. Автору этих строк, будучи на горе Кайлас (тибетской Шамбале) трудно было чётко осознать мотивацию, приведшую его туда. Актуальным отражением тогдашнего состояния явилось написанное во время раздумий:

Тибет
Звёзды плачут,
Представляясь водой,
Мысли льются тёмной рекой.
Горы, чашей блестают, маня,
Чудно и пряно – дразнят тебя...
Я смотрю на небо слепо и зло,
Чуда не будет – время прошло...
Воздух – гладок, тяжёл и упруг
будто кованый китайский лук.
Краски огней, пламя очей
Крики и стоны непонятных людей...
Яки – мычат
духи – хрипят, заплетая их гривы
в сторяд...
Игры богов – рождают дурман,
Не сможешь забыть лица жёлто-сумрачных
лам...
Тысячи лет
Поют про Тибет,
Но знает ли КТО
Верный ответ?
Решение вопроса «Куда идешь?» приобретает конкретную форму: «Тварь ты типичная

либо творец своей жизни уникальный?» Это требует психологического комфорта, что и предстает в виде выбранного близкого человеку архетипического символа. В ряду преодоления жизненных коллизий может наступить и через «паломника». Для образа паломника характерен не только признак традиционного поклонения (по обычанию), но и желание пребывать в этом состоянии коллективно. Иными словами «калика – перехожий», паломник древней Руси перемещался по жизни, посвященной «ходждениям» в составе дружины, «со товарищи». Ритуализированность паломничества связана с верою в то обстоятельство, что молитва (разговор с иными сверхъестественными сущностями) более действенен в определенных местностях, связанных с мистическим. Паломничество выступало в форме социального долга. Иногда оно превращалось в эпитимию или наказание. С XIII века не только церковь, но и светские суды государств Западной Европы приговаривали к паломничеству убийц. Одно время (в XII веке) паломничество на Руси вошло в столь широкий обычай, что церковные власти и авторитеты стали ограничивать подобное рвение. Так, например русский писатель и паломник Даниил провозглашал, что спасение души богоугодными делами возможно и у себя дома. Паломники, странники – богомольцы, приносившие в родине места ветку пальмы породили особый жанр массовой литературы – так называемые «паломники» или паломнические книжки. Первоначально они содержали лишь описание святых мест и легенд с ними связанных. Позже они становились всё более авторскими, с рассказами о личных впечатлениях и философскими рассуждениями. «Пилигрим» проявившийся в «путнике», просматривающийся в «страннике», с очевидностью предстаёт в «паломнике». Не случайно пилигрим в переносном архаическом значении звучал как странник. Взаимосвязь этих понятий, как ипостасей существования единого архетипа «дорога» или точнее «человека дороги, пути», отражалось и в китайском «дао» и инкском «Мачу-Пикчу», звучавшем как путь жизни. «Хождение за три моря» А. Никитина являлось произведением

пилигрима на государевой службе. По жанру, напоминая традиционные паломнические книжки, оно объектом описания выбирает иноверческую Индию. Необходимо отметить, что паломник, ощущающий гармонию внутреннего и внешнего может воспринимать себя пилигримом. Таким образом человек может пройти весь путь архетипических символов, но при этом направленность его установок будет достаточно ясной.

Архетип – есть способ связи образов, объединяющих поколения. Современный человек, прошедший через жернова непрерывного образования и самообразования представляет собой отражение совокупности предшествовавших его времени ценностных ориентиров общечеловеческой культуры. Символы первобытной культуры и соседской общин античного времени дополняются в его сознании иными постулатами общечеловеческого бытия. Теоцентризм – символизм – иерархичность со словного общества средневековья уживаются в триаде гуманизма, науки и религии Нового Времени. Консолидирующей, синтезирующей их формой выступает постмодернизм как форма культурного бытия человека. Мифологическая поддержка менталитета россиян как духовно самобытной, потенциально и актуально своеобразной общности способствует появлению определенного массового типа человека. Постмодернизм определяет переход от «поиска истины» к желанию «просто жить», к наслаждению «мозаичностью бытия» как череды чувственных и рациональных образов разных эпох в виртуальном исполнении. Удовлетворенность от сопричастности к «следам мирового движения» принимает форму смысла жизни. Различие между индивидуальными дорогами жизни декларируется современным обществом, различием в оценках средств, форма, временем достижения. События жизни автора на острове Сахалин, Камчатке, Хабаровском крае, Приморье, Восточной и Западной Сибири, Урале, Пермском крае, Поволжье,

Центральном регионе, западных российских областях, Кавказском регионе обернулись потребностью преодолеть рамки национального государства. Балканы, Люксембург, Франция, Италия, Исландия, Гренландия, США, страны Латинской Америки и Карибского моря, Северная Африка, Индия, Непал, Китайский Тибет и Япония стали внутренними элементами моего индивидуального пространственного поля.

Временное измерение обернулось участием в археологических путешествиях в глубь времён. Речь идет о раскопках культуры Бронзового Века в Грузии, исследовании античности Причерноморья. Осмысление и переживание этих событий происходит в течение нескольких десятилетий моей жизни в процессе поиска гармоничного взаимопонимания с представителями регулярно сменяющихся поколений студенческой молодежи. Участие в совместной исследовательской, педагогической деятельности позволяет поддерживать разнообразные контакты с современниками различной социальной принадлежности.

Все вышесказанное и позволяет мне ощущать ныне себя в большей степени пилигримом, нежели странником. Я могу чувствовать себя человеком, с радостью выполняющего социальную функцию-миссию. Трансляция пропущенного через индивидуальный опыт бытия единства общего и особенного, позволяет придавать сочность, убедительность представлению об абсолютной ценности жизни. Ничто так не обогащает жизнь общества как поиски путей к гармоничному слиянию с индивидом, осознающего себя единовременно пилигримом, путником, странником, паломником к святыням человеческого рода. Факторами предельного уровня абстракции, позволяющими переживать указанные в статье архетипические символы жизненного бытия как субъективную реальность выступают пропорциональность, симметрия, соразмерность, ритмичность, созвучие и согласованность всех частей жизни.